

Посвящается маме, моей Провидице,
и тем, кто не чувствует себя
особенным

Для предъявления
по месту требования

Вот она – история, которую вы заставили меня написать во всех подробностях до горького и несчастливой конца. Все для того, чтобы показать на моем примере, что происходит с теми, кто бросает вызов богам.

Я никогда этого не хотел. Но вы не дали мне выбора. Я оказался здесь из-за какой-то священной клятвы, которую даже не давал, и потому что слишком сильно разозлил вас и вы захотели увидеть меня мертвым.

Думаю, вы получили, что хотели.

Вообще-то, мне кажется, вы должны поблагодарить меня, но боги никогда не выражают благодарность, не так ли?

Я просто хочу, чтобы вы знали: я бы сделал все это снова, даже зная, где в конце концов окажусь. Я ни о чем не жалею. Ладно, может, только об одном: что не смогу увидеть ваши шокированные лица, когда вы это прочтете. Во всяком случае, посылка отправлена. Увидимся на другой стороне.

Зейн Обиспо

«Тот, кто не верит в волшебство,
никогда его и не найдет»

Роальд Даль

ГЛАВА 1

Все началось с маминого вопля. Сначала я подумал, что она увидела скорпиона, и со всех ног бросился на кухню. Но оказалось, ей всего лишь пришло письмо — она выплясывала от радости, размахивая им над головой.

Целый год я сидел на домашнем обучении, и вот теперь могу снова вернуться в школу. Вы услышали, да? Могу. Другими словами, мне все-таки разрешили учиться.

Вот глупые! Кто вообще назначил взрослых главными? Но тут такая штука: я совсем не хотел возвращаться в эту чопорную частную школу под названием «Святой Дух», где монашки будут бросать на меня злобные взгляды. И уж точно не хотел, чтобы школьный «шаттл» этого «Святого Духа» приезжал за мной в нашу глушь. Здесь у него последняя остановка, а значит, все места в фургоне, скорее всего, будут заняты. И как только я в него сяду, не менее дюжины глаз будут на меня пялиться.

Я улыбнулся маме — она просто сияла от счастья. Целыми днями она ухаживает за больными на дому, к тому же с нами живет ее брат. А основное занятие Хондо — пачками поглощать

кукурузные чипсы за просмотром реслинга по телевизору, так что у мамы не так много поводов для улыбки.

— Слушай, мам... — Я не знал, как начать. — Ты говорила, я могу учиться дома.

— Год, — отозвалась она, все еще улыбаясь. — Таков был уговор. Помнишь? Один год.

Сто процентов такого уговора не было. Но если у мамы что-то засело в голове, считай, приклеилось намертво. Спорить бесполезно. Да к тому же я хотел, чтобы она была счастлива. По-настоящему счастлива. Поэтому я тут же закивал, часто-часто. Чем усерднее киваю, тем радостнее буду выглядеть. Я даже выдавил еще одну улыбку.

— Так когда?

Сейчас сентябрь, значит, месяц занятий я уже пропустил.

— Начинаешь завтра.

Вот зараза!

— А что, если начну в январе?

Ага, это, конечно, супероптимистично.

Мама покачала головой.

— Это невероятная возможность, Зейн.

— Разве частная школа не стоит слишком дорого?

— Тебе назначили стипендию. Смотри!

Она помахала письмом.

М-да.

Мама аккуратно сложила конверт.

— Ты ждал своей очереди с тех пор, как...

Она не закончила фразу, но в этом не было необходимости. «С тех пор, как» относилось к тому самому дню, когда один козел — козел, чье лицо

навсегда врезалось мне в мозг, — извозил меня по полу и поклялся, что больше никогда нога моя не переступит порог «храма знаний».

— А как же тетушка Кэб? — спросил я. — Ей нужна моя помощь. И на что я буду покупать корм для Розы, если не смогу работать?

Мисс Кэб — наша соседка. Вообще-то, настоящая фамилия у нее Кабальеро, но в детстве я все время путал, как она правильно произносится, и в итоге придумал эту коротенькую кличку, которая так и осталась. Она была слепа как крот, и ей нужен был помощник по хозяйству. Еще она подрабатывала гадалкой по телефону, я отвечал на звонки клиентов и только потом передавал ей трубку. Так все это выглядело более или менее законно. Платила она мне прилично, хватало, чтобы прокормить Розы. Розы у меня была «боксматинцем» — наполовину боксер, наполовину далматинец — и ела как слон.

— Можешь работать после обеда, — сказала мама и взяла мои руки в свои.

Ненавижу, когда она так делает во время наших споров.

— Зейн, родной, пожалуйста. На этот раз будет лучше. Тебе уже тринадцать. Тебе нужны друзья. Ты не можешь жить здесь совсем один с этими...

Под словом «здесь» она имела в виду узкую, пыльную дорогу в пустыне Нью-Мексико, «эти» — наш сосед и соседка, а еще блуждающие клубки перекасти-поля, гремучие змеи, койоты, земляные кукушки, охотящиеся на ящериц, высохшее русло реки и даже один потухший вулкан. Но об этом позже. Большинство людей удивляются, когда

узнают, сколько вулканов есть в Нью-Мексико (но мой-то, конечно, не просто творение природы, ведь так, боги?)

— С кем с «этими»? — спросил я, хотя знал, кого она имеет в виду: неудачников.

Ну и что такого, что тетушка Кэб со странностями? И кому какое дело, что другой наш сосед, мистер Ортис, выращивает в теплице перцы чили каких-то непонятных сортов? Это не значит, что они неудачники.

— Я хотела сказать, тебе нужно проводить время со сверстниками.

— Да не люблю я сверстников, — пробубнил я. — И без учителей учусь лучше.

Тут ей было нечего возразить. Я самостоятельно изучил кучу всего, начиная с перечня генералов Гражданской войны и заканчивая группами крови человека и названиями звезд и планет. В этом-то и заключался самый большой плюс домашнего обучения: я был сам себе боссом.

Мама взъерошила мне волосы и вздохнула.

— Ты гений, да, но мне не нравится, что ты болтаешься здесь с кучкой стариков.

— Двое — это не куча.

Вообще-то я надеялся, что мама забудет о нашей договоренности. Или этот «Святой Дух» (кто ж так школу называет?) в один прекрасный день провалится под землю в результате какого-нибудь природного катаклизма.

— Мам, — я пристально посмотрел маме в глаза и постарался, чтобы голос звучал серьезно, — никто не захочет дружить с чудиком.

И постучал тростью по полу.

У меня одна нога чуть короче другой, а что это значит? То, что хожу я, по-дурацки прихрамывая. Вместе с хромотой мне достались всевозможные клички, которые напридумывали ребята: Костыль, Сэр Хромселот, Зейн Сильвер, Профессор Грюм и моя любимая кличка — Уно, обозначающая, так сказать, наличие только одной здоровой ноги.

— Ты не чудик, Зейн, и...

Ох, нет. На глазах у нее выступили слезы.

— Хорошо, хорошо, пойду, — выпалил я.

Мне легче выдержать сотню злобных взглядов одноклассников, чем один печальный мамин.

Мама выпрямилась, смахнула слезы и сказала:

— Твоя форма выглажена и лежит на кровати. И, кстати, у меня для тебя подарок!

Заметили, как ловко она обворачивает плохие новости во что-то приятное? Ей бы в мэры баллотироваться. Но я не стал цепляться к несчастной школьной форме и ворчать, что от галстука шея будет чесаться и покраснеет. Вместо этого сосредоточился на слове «подарок» и весь сжался, мысленно молясь, чтобы это не были четки или что-нибудь еще в этом духе. Мама бросилась к шкафу и вытащила длинную узкую коробку, перевязанную серебристой ленточкой.

— Что это?

— Открой, увидишь! — И она нетерпеливо потерла ладони.

Я вскрыл коробку, недоумевая, откуда она взяла деньги на какой-то подарок. Под крышечкой обнаружился кусок оберточной бумаги, а под ним — блестящая полированная черная трость с бронзовой ручкой в виде драконьей головы.

— Это... это... — Я моргал, подыскивая нужное слово.

— Нравится?

Мама широко улыбнулась, а глаза засияли так, что могли бы осветить весь мир.

Я повертел трость в руках, проверяя на вес, и решил, что она похожа на оружие воина, а значит, это лучший подарок во всей Вселенной.

— Держу пари, она стоит кучу денег.

Мама покачала головой.

— Мне ее отдали... Помнишь, на прошлой неделе умер мистер Чанг?

Мистер Чанг, богатый клиент тетушки Кэб, жил в огромном доме в городе. Это она посоветовала ему взять маму сиделкой, и каждый вторник мама возвращалась от него с внушительной порцией китайского рагу. Меня трясло от мысли, что ей придется все время возиться с умирающими людьми, но, как она всегда говорила, мы вынуждены хоть что-нибудь есть. После этих слов я решил, что буду есть меньше, но чем старше я становился, тем труднее мне давалось это решение. Сейчас во мне целых сто семьдесят пять сантиметров — рекорд для нашей семьи.

Я провел ладонью по бронзовой драконьей голове, изрыгающей пламя.

— Он собирал всякие дорогие вещи, — пояснила мама, — и его дочь сказала, я могу взять трость. Она знает, что ты...

Мама запнулась.

— Она сказала, дракон символизирует защиту.

Значит, мама думает, что я нуждаюсь в защите. Мне в голову тут же полезли мысли, что я и впрямь

какое-то жалкое существо. Но я знал, что она сказала это из лучших побуждений.

Я попробовал опереться на трость. Она подошла идеально, словно была сделана специально для меня. Прошелся по комнате. Да, эта трость намного круче моей старой деревянной палки, которая, стоило взять ее в руки, словно начинала кричать: «Гляньте, чудик!»

— Спасибо, мам, мне правда нравится.

— Я подумала, с ней вернуться в школу тебе будет... легче, — произнесла она.

Да уж. Легче. Ничто на свете, даже эта вещица «от Воина Дракона», не поможет мне стать другим человеком.

В общем, в моей жизни наступила черная полоса, и я не думал, что дела могут пойти еще хуже. Но, парень, оказалось, ты ошибался.

Ночью, лежа в кровати, я думал о завтрашнем дне. Внутри у меня все закручивалось в клубок и сжималось, я мечтал превратиться в какую-нибудь амебу и стечь под землю. Розы почувствовала мои переживания, тихонько заворчала и мягко ткнула носом мне в щеку. Я погладил ее.

— Знаю, детка, — прошептал я. — Но мама так счастлива...

Интересно, что на это сказал бы мой отец? Но об этом я никогда не узнаю, ведь я ни разу его не видел. Они с мамой не были женаты и он ушел от нее еще до того, как я родился.

Она рассказала мне о нем три вещи. Он был исключительным красавчиком (ее слова, не мои). Он был из Мексики, из штата Юкатан (мама там жила какое-то время до моего рождения и рассказывала

потом, что океан похож на стекло). А третья? Она была влюблена в него по уши. Как-то так.

В комнате стояла тишина, только урчало у меня в животе да где-то верещал сверчок. Я сел на кровати и включил настольную лампу. На тумбочке у кровати лежала книжка про индейцев майя; ее подарила мама, когда мне исполнилось восемь. Это был один из пяти томов истории Мексики, и мне он нравился больше всех. Я понял, что с помощью книг она пыталась рассказать мне о культуре, к которой принадлежал мой отец, при этом избегая разговоров о нем самом. На потертой зеленой обложке большими золотыми буквами было выведено: «Утерянные мифы и магия цивилизации Майя». В книге было много цветных картинок и рассказов про приключения разных богов, царей и героев. Боги у авторов вышли привлекательными, вот только они все переврали.

Я раскрыл книгу. На форзаце была изображена погребальная маска из потрескавшегося нефрита с прищуренными глазами, лишенными век, и квадратными зубами, торчащими в ряд, словно погребальные камни на кладбище.

Я мог бы поклясться, что маска мне улыбалась.

— Ну и куда ты уставился? — раздраженно спросил я вслух и захлопнул книгу.

Откинув одеяло, я встал и подошел к окну. Снаружи царил темень и тишина. Если что и было хорошего в нашей жизни на плоскогорье, так это потухший вулкан в ста ярдах от дома. Мы звали его Бестия.

Я всегда считал, что в моей коротенькой жизни самое интересное — это то, что у меня есть

собственный вулкан. До настоящего момента, по крайней мере. В прошлом месяце я даже нашел потайной ход. Мы с Рози спускались с вершины. Где-то на середине пути я услышал в стороне чей-то сдавленный хрип и, естественно, свернул, ожидая увидеть там раненное животное. Но когда раздвинул чахлые заросли креозотовых кустов, обнаружил кое-что любопытное: лаз, достаточно широкий, чтобы в него можно было пролезть. Он вел в целый лабиринт пещер, и на секунду я даже задумался, не позвонить ли в «Нэшнл Географик» или куда-нибудь еще. Но в следующее мгновение решил, что лучше нам с Рози иметь собственное секретное местечко, чем красоваться на обложке какого-нибудь дурацкого журнала.

Рози спрыгнула с кровати, увидев, что я надеваю тапочки.

— Идем, детка, прогуляемся.

Я взял свою новую трость и вышел из дома. Прокоряв мимо могилы бабушки (она умерла, когда мне было два года, так что я совсем ее не помню), я побрел по пустыне, петляя между креозотовыми зарослями, кустами фукьерии и разлапистыми деревцами юкки. Луна висела в небе, как огромный рыбий глаз.

— Может, мне притвориться, что я хожу в школу? — задумчиво проговорил я, когда мы подошли к Бестии, темным конусом поднимающейся из песка к небу на добрую пару сотен ярдов.

Рози остановилась, принялась и наострила уши.

— Ладно, согласен. Плохая идея. У тебя есть лучше?

Собака заскулила и медленно попятилась.

— Ты что-то учуяла?

Надеюсь, не гремучую змею. Ненавижу змей. Но знакомого шуршания не было слышно, и я расслабился.

— Признавайся, еще одного рогатого зайца испугалась?

Рози твякнула на меня.

— Испугалась, не спорь!

Неожиданно она рванула с места.

— Эй! — крикнул я, бросившись следом. — Подожди!

Я нашел Рози четыре года назад. Она бродила по пустыне, и я подумал, что ее кто-то выкинул. Она была тощей и пугливой — видимо, с ней плохо обращались. Я упросил маму оставить ее и пообещал, что буду сам зарабатывать ей на корм. Как и у большинства боксеров, шерсть у Рози была светло-коричневой, только с черными пятнами по всему телу, включая болтающиеся уши, поэтому я и решил, что в ней есть что-то от далматинца. А еще у нее было только три ноги, так что мы с ней, как говорится, нашли друг друга.

Когда мы подошли к подножию вулкана, я остановился как вкопанный. На песке, залитом лунным светом, отчетливо виднелись отпечатки лап — крупные, с длинными когтями. Я наступил на один из следов — моя ступня 44-го размера была раза в три меньше этой лапы. Эти следы определенно не мог оставить койот. Я подумал было о медведе, только они не водятся в пустыне.

Опустившись на колени, я принялся изучать отпечатки. Мне не составило бы никакого труда